

селений. Поэтому отказ от анализа районного звена лишает социолога возможности рассмотреть основные связи, характерные для аграрного труда и образа жизни сельского населения.

Несколько особняком стоит статья А. Ю. Петерсона «О некоторых общих чертах развития крестьянского жилища коми и удмуртов». Жилище — неотъемлемый элемент поселений. Соотношение жилищ различного типа и форм, их количество, расположение — важные признаки для характеристики типов селений и в известной мере типов расселения. Но автор рассматривает жилище в ином ракурсе. Анализируя некоторые конструктивные особенности жилых зданий, он выделяет общие черты в материальной культуре народов пермской группы. Такой анализ может представлять интерес для специалистов, но слабо связан с проблематикой рецензируемого сборника, тематика которого достаточно четко ограничена.

Большинство поставленных в книге вопросов решается на материалах Удмуртии XIX—XX вв. впервые. Как всякому начинанию, работе этого коллектива авторов свойственны отдельные недостатки или положения, которые могут рассматриваться как дискуссионные. Несомненно одно: сборник посвящен актуальной, сложной и пока мало разработанной проблеме этносоциологических исследований сельских поселений и расселения и вносит весомый вклад в ее решение.

Э. А. Паин

Н. В. Зорин. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 199 с.

Книга Н. В. Зорина — итог регионального исследования традиционной свадебной обрядности. При современном состоянии изученности русского свадебного обряда, когда для обобщения в пределах всего национального материала еще не пришло время, обобщения по регионам приобретают особое значение.

Выбор региона — Среднее Поволжье — придает книге дополнительный интерес, так как до сих пор этнографов и фольклористов привлекал главным образом свадебный обряд Русского Севера; обрядность среднерусской этнографической зоны, а также Поволжья изучена значительно слабее.

Актуальны не только проблематика и материал книги, но и ее методика. Исследование ведется на основе большого статистического материала, обобщения социологических анкет, используется и методика картографирования. Поэтому книга Н. В. Зорина как один из немногих пока опытов региональных обобщений заслуживает детального анализа и дает повод еще раз обсудить некоторые общие принципы изучения свадебного обряда на современном этапе.

При региональном исследовании важно, чтобы изучение велось в обоснованно выбранных и строго очерченных границах, соответствующих современным этнографическим представлениям об этнографических зонах и группах русского народа¹. Выбор территории Среднего Поволжья (в книге исследуется северная часть его) не случаен, так как по данным материальной культуры (исследования Е. П. Бусыгина) эта территория выделяется в особый историко-этнографический регион.

Рассмотрению традиционной свадебной обрядности в изучаемом регионе в книге предшествует подробное исследование брачных норм, характерных для русского населения региона. В первой главе «Брак у русских крестьян» рассматривается целый комплекс обычаев, правовых и социальных представлений, имущественных отношений, связанных со свадьбой: описываются места брачных знакомств, право брачного выбора, возраст вступления в брак, брачные связи, календарное приурочение браков, характер личной собственности невесты, состав и размеры приданого, кладки, способы заключения брака и т. п.

В дореволюционной этнографической литературе брачные нормы русского населения края освещены слабо. Совершенно справедливо Н. В. Зорин отмечает, что и в процессе современных полевых исследований они восстанавливаются с трудом, так как сохранились в памяти пожилых людей хуже, чем сам обряд. Поэтому исключительно важное значение приобретает обращение к данным справочной и статистической литературы. В книге используются опубликованные материалы переписи 1897 г., периодические издания («Статистика Российской империи» и т. п.), а также статистические сведения, извлеченные из неизданных работ, хранящихся в различных архивах страны.

В главе о брачных нормах даются 12 статистических таблиц и 8 диаграмм, которые отражают национальный состав края по уездам, структуру русских поселений по «плотности», возрастной состав вступающих в брак, календарное распределение браков, соотношение первичных и вторичных браков и т. д.

Так как Среднее Поволжье — район многонациональный, в книге прослеживаются различия в брачных нормах у соседствующих народов и их культурно-бытовые взаимовлияния. Например, в табл. 4 приведен материал о возрасте вступающих в брак русских Юматовской волости, а в табл. 5 — данные о возрасте брачащихся татар Косяковской волости. В работе приведены диаграммы «Календарное распределение браков в уездах

¹ Чистов К. В. Предисловие. — В кн.: Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978, с. 4.

с преобладанием русского населения» (рис. 8), а также «Календарное распределение браков в уездах с различным национальным составом населения» (рис. 7).

Исследование Н. В. Зорина наглядно демонстрирует большие источниковедческие возможности статистических материалов при реконструкции некоторых явлений духовной культуры. Вероятно, в ряде случаев выводы, полученные путем статистических выборок, можно отразить и в картах. Так, например, диаграмма календарного распределения браков (рис. 8), составленная по четырем уездам, убедительно показывает, что большинство браков у русских в отличие от татар и марийцев заключалось в осенне-зимний период, причем обычный этот был устойчив (рис. 9). Из данных диаграммы 8 выявляется и другой факт: соотношение осеннего и зимнего максимумов заключения брака разнится по уездам. На севере региона (Уржумский уезд), где преобладало русское население, зимний пик был значительно выше, чем осенний. Как нам известно по материалам экспедиционного обследования смежной территории — Нижегородского Поволжья, и там наблюдается подобная тенденция. С помощью карты можно было бы нагляднее представить локальные вариации календарной приуроченности свадеб, которые, возможно, связаны с различными стадиями развития обрядности.

В книге обоснованно доказывается, что некоторые брачные нормы и обычаи (круг брачных связей, тип молодежных добрых увеселений и др.) обусловлены особенностями расселения русских в регионе.

Источниковедческие трудности стояли перед автором книги и при изучении традиционного свадебного обряда. Дореволюционные описания свадьбы, т. е. синхронные изучаемому периоду (конец XIX — начало XX в.), немногочисленны. При почти исчерпывающем обследовании источников, печатных и архивных (РГО, материалы бюро Тенишева в ГМЭ, местные республиканские и областные архивы), Н. В. Зорину удалось выявить лишь около двух десятков описаний, которые можно было использовать в работе, но и они сильно различаются по степени полноты и детальности, т. е. фактически не всегда сопоставимы.

Такое положение с источниками характерно в целом и для других территорий России. Поэтому обращение к современным полевым изысканиям и ретроспективная реконструкция обряда неизбежны.

Казанские этнографы начали экспедиционное изучение свадебной обрядности еще в 1947 г., но особенно широко работа развернулась с 1961 г., когда она стала проводиться уже по специальной программе. Книга Н. В. Зорина обобщает материал по свадьбе, собранный в 200 населенных пунктах. Приведенная картосхема маршрутов этнографических экспедиций (рис. 1) показывает, что в крае были изучены все районы как сплошного, так и очагового расселения русских. И все-таки неясно, какую долю от общего числа русских поселений составляют 200 изученных населенных пунктов, т. е. какова была в среднем плотность обследования. Вопрос этот крайне важен, так как лишь при определенной плотности обследования можно затем выявить не только непрерывные зоны распространения явлений, но и зоны переходные.

Проблема выбора единицы территориального обследования при организации экспедиционной работы сейчас остро встает перед каждым этнографом и фольклористом, изучающим свадебный обряд. Опыт казанских этнографов показывает, что для сравнительно небольших регионов, отличающихся сложной историей заселения и пестрым этническим составом, единицей территориального обследования должна быть волость. Для сплошного обследования, включающего все населенные пункты, история уже не отводит ученым времени. Уезд как территориальная единица слишком велик там, где территория заселялась разными колонизационными потоками и в разное время.

В рецензируемой книге основное внимание при изучении традиционного свадебного обряда уделяется его структуре: вычленяются и подробно описываются основные этапы ритуала, выявляются, какие действия в обряде были обязательными и какие могли опускаться, рассматривается функциональная значимость отдельных компонентов.

Выяснению пространственной дифференциации явления служат 10 картосхем, на которых отражены локальные вариации предсвадебного, собственно свадебного и послесвадебного этапов ритуала. Картографируются отдельные элементы структуры обряда, их приуроченность к определенному месту и времени, предметы материальной культуры, имеющие обрядовое назначение, терминология, фиксируется также наличие или отсутствие определенных обычаев (обрядовое посещение жениха подругами невесты, обычай разувать мужа перед брачной ночью, «поиски ярки» и т. д.) или различные формы одного явления (использование в качестве «оберега» рыболовной сети или специально сплетенного пояса, обрядовое использование «рыбника» или «курника», место размещения сватов в доме невесты, время и место устройства женской прически новобрачной и т. д.). В качестве картографических средств используются значки, штриховка.

Методика картографирования явлений духовной культуры находится еще в стадии становления, поэтому появляющиеся в печати карты привлекают особое внимание. В картосхемах Н. В. Зорина, в целом удачных, на наш взгляд, недостаточно ярко отражена количественная характеристика явлений. Для обозначения бытования на одной территории двух форм явлений в некоторых картосхемах применяется двойная штриховка (рис. 14), но при этом неясно, какая форма преобладала. В других картосхемах (рис. 15, 20) применяются одновременно штриховка и значок: штриховка обозначает явление преобладающее, значок на ней — явление с узколокальным распространением. В этом случае возникает вопрос: какова масштабность значка, какая территория мыслится под единичным значком — один населенный пункт, несколько, волость и т. п.?

Картосхемы Н. В. Зорина, приведенные в книге, являются обобщением рабочих карт, на которые наносились результаты изучения обрядности в каждом поселении. Вероятно, все же удобнее в будущем использовать масштабную единицу картографирования. Удачный опыт в этом плане демонстрируют карты родильной обрядности в книге Н. К. Гаврилюк².

В книге дается 11 картосхем, показывающих этнографические параллели некоторых элементов средневолжского ритуала в свадебном обряде северных, южных и среднерусских областей.

Карты и в дополнение к ним факты, изложенные в тексте книги, делают особенно убедительными выводы, к которым приходит Н. В. Зорин, считающий, что русскую свадьбу Среднего Поволжья можно рассматривать как единый самостоятельный обрядовый комплекс, характеризующийся более или менее определенной структурой свадебного ритуала, определенным комплексом обычаев и обрядов, свадебной пищи, материальных атрибутов свадьбы, а также свадебной терминологией (с. 166—167). Однако при относительном единстве он отличается и локальным разнообразием отдельных форм. На основании этого Н. В. Зорин выделяет внутри региона три варианта единого свадебного комплекса: северный, для которого характерно преобладание элементов севернорусских свадеб; юго-западный, обнаруживающий «значительное число обрядовых параллелей со среднерусской, верхневолжской и частично южнорусской свадьбами» (с. 176), и юго-восточный, отличающийся «пестротой свадебных обычаев, обрядов и терминов».

Границы выделенных вариантов расплывчаты. «Для русской свадьбы Среднего Поволжья, по мнению Н. В. Зорина, характерно несовпадение ареалов распространения отдельных обрядов, свадебных блюд, терминов и т. п. Это приводит к постепенному, плавному, а в отдельных случаях почти незаметному изменению свадебных комплексов от места к месту» (с. 169). Причины дифференциации локальных традиций автор видит прежде всего в истории заселения края, предполагая, что в XVI—начале XVII в., «в период первоначальной массовой русской колонизации Среднего Поволжья, русская свадебная обрядность уже разделилась на территориальные комплексы» (с. 173).

Целиком соглашаясь с выводами Н. В. Зорина, хочется высказать одно предположение. Вполне вероятно, что дальнейшее изучение русского свадебного обряда и, главное, картографирование его на территории, смежной со Средним Поволжьем, внесут некоторые коррективы в вывод о существовании самостоятельного средневолжского свадебного комплекса. Дело в том, что явления, отмеченные в книге как характерные для юго-западного варианта его, не затухают у границы историко-этнографического региона, а наблюдаются, как нам известно из нижегородских материалов, и за его пределами и охватывают большую часть юго-восточных уездов Нижегородской губернии. Вполне допустимо также, что явления, отмеченные как характерные для северного варианта, простираются и далее.

Вероятно, при изучении свадебного обряда отдельного историко-этнографического региона важно устанавливать не только границы внутренних локальных вариаций, но и уточнять внешние границы распространения всего свадебного комплекса, а для этого необходимы контрольные выходы на территорию, смежную с изучаемым регионом.

Как известно, свадебный обряд — это сложный комплекс правовых норм, ритуальных действий, обычаев, словесного и музыкального фольклора. В рецензируемой книге обряд рассмотрен с точки зрения этнографа, фольклор лишь иногда вовлекается в анализ. Это не упрек автору: книгу писал этнограф. Но необходимость исследования словесного и музыкального фольклора, т. е. комплексного изучения свадьбы в регионе, ощущается остро.

Ценной стороной книги является ее историзм. Хотя картосхемы отражают состояние свадебной обрядности на рубеже XIX—начала XX в., в тексте постоянно предпринимается экскурсы в историю формирования ритуала, отмечаются пережиточные элементы в нем, прослеживаются изменения обряда в эпоху капитализма: редукция, стяжение, в отдельных случаях усложнение, изменение функциональной значимости отдельных действий и т. п. Не со всеми гипотезами автора, особенно касающимися генетических истоков некоторых элементов, можно согласиться, но сам поиск плодотворен.

Особенно ценной является заключительная глава, где прослеживаются изменения, происшедшие в обряде за годы Советской власти. Исследование опирается на огромный статистический материал (более 3000 анкет), собранный на основе тщательной разрабатанной методики. Основные положения этой части книги уже были опубликованы³ и получили признание в науке, поэтому нет необходимости говорить о них еще раз⁴.

Итак, книга Н. В. Зорина, опирающаяся на прочную источниковедческую базу, современная по методике этнографического изучения, не только представляет ценное исследование свадебного обряда одного региона, но и побуждает шире развернуть подобного рода работы. Есть в книге тревожные строки: «В настоящее время лиц, хорошо знающих и помнящих свадебные обряды, становится все меньше и меньше, а получаемая нами информация все скуднее и скуднее» (с. 12). И это не умозрительное заключение, а вывод из многолетнего опыта.

² Гаврилюк Н. К. Картографирование явлений духовной культуры. По материалам родильной обрядности украинцев. Киев, 1981.

³ Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1976, с. 20—57.

⁴ Пименов В. В., Федянович Т. Рец. на кн. Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1976, с. 191.— Сов. этнография, 1978, № 5.

Если говорить об изучении и картографировании свадебного обряда в общенациональном масштабе, то главное — не упустить время для сбора материала. Сейчас экспедиционная работа в этом направлении ведется рядом академических институтов и вузов страны. Важно было бы скоординировать общие усилия, создать единый центр, который возглавил бы работу этнографов, фольклористов и музыковедов, дал бы им единую программу, что позволило бы в недалеком будущем создать Атлас русской свадьбы.

К. Е. Коренева

А. М. Новикова, С. И. Пушкина. Свадебные песни Тульской области. Тула: Приокское кн. изд-во, 1981. 238 с.

В фольклористике советского периода в связи с широким и повсеместным развитием собирательского дела стало научной традицией издание сборников областного или регионального репертуара. Так появились разнообразные по жанровому составу издания русского устного народного творчества центральных областей России, Дона, Урала, Оренбургских степей, русского Севера, Сибири, Прибайкалья, Дальнего Востока.

Тульская земля также издавна была щедра народным поэтическим творчеством. Об этом свидетельствуют записи песен и сказок, вошедшие в классические сборники прошлого века¹. Однако до сих пор не было ни одного специального издания фольклора этих мест. «Свадебные песни Тульской области» — первый сборник тульского фольклора, и уже в этом его несомненная научная ценность.

Книга — итог 20-летней собирательской работы, планомерно проводившейся в разных районах Тульской области Анной Михайловной Новиковой и членами руководимого ею фольклорного кружка, аспирантами и студентами Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. В сборнике опубликовано 138 новых записей свадебных песен. Некоторые тексты — варианты классического репертуара русской свадьбы («У ворот трава росла», «Что при вечеру, вечеру», «Матушка, что не пыль-то во поле», «Ой, вечер да нашей свет-Марьюшке» и др.). Ряд песен представляют местные редакции распространенных традиционных мотивов русской свадебной лирики («Кукушка рябая, кукушка рябая», «Как по сенокосам свет-Марьюшка ходила», «У нас по улице», «Как спросила Авдотьюшка» и пр.). Наконец, большая группа песен не имеет печатных аналогов и представляет оригинальную местную фольклорную традицию (около 40 текстов).

Из паспортных данных можно установить, что исполнителями песен были исключительно женщины, в основном старше 60—70 лет. Иногда произведение исполнялось несколькими лицами, что свидетельствует о распространении в данном регионе обычая многоголосного группового пения (деревни Полтево, Тургенево, Коротеево Чернского района; деревни Хрусловка и Карпово Венёвского района). Песни записывались и от колхозных хоров, организованных при домах культуры (деревни Анишино Венёвского района, Синюшино Белёвского района, Теплое Ленинского района, Страхово Заокского района).

Богатый материал сборника научно систематизирован и снабжен высококвалифицированными комментариями.

Свадебная песня представляет ценность не только по содержанию. В ней обычно символически условно поэтизируется семья как незыблемая основа патриархального быта. Но главное в песне — ее богатое эмоционально-лирическое начало, которое находит выражение прежде всего в мелодии. Эта важная сторона учтена в рецензируемом сборнике. По магнитофонным записям А. М. Новиковой член Союза композиторов СССР С. И. Пушкина произвела нотную расшифровку мелодий большинства песен. Благодаря этому материалы сборника могут использовать в своем репертуаре народные хоры. Следует только выразить сожаление о том, что не все песни сборника имеют нотную расшифровку.

Обладая богатейшим опытом собирательской работы, А. М. Новикова при записи песен придерживалась следующих правил: 1) запись производится «с голоса», т. е. в процессе музыкального исполнения песни; 2) в словах сокращения и изменения не допускаются; 3) строфическое деление диктуется замкнутой музыкальной фразой, т. е. повторяющейся мелодией.

В записи песни фиксируются повторы, переносы, ритмические частицы и пр., вследствие чего слова естественно сливаются с мелодией песни.

Свадебная песня несет в себе и некоторый драматургический элемент. Каждая песня имеет определенное место в обрядовом цикле и соответствующее смысловое значение. Поэтому все записи должны быть соотносены с обрядом. Этой цели служат вступительная статья А. М. Новиковой и композиционное построение сборника.

Публикация текстов предваряется вступительной статьей, основанной на тщательном изучении обряда. В ней дается общая характеристика русского свадебного обряда, при этом в центре внимания автора — свадебный обряд Тульской области, южный (или южнорусский) тип его. При рассмотрении тульской свадебной традиции основное ме-

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. В. 1—10. М., 1861—1874; Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. В. 1—8. М., 1855—1863.